

К 170-летию
со дня
рождения
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

«ПРИЖИВАЛЬЩИК ИЗ ХЛЕБА»

ВОКРУГ МНИМОЙ
ПАРОДИИ
НА ГОГОЛЯ

лезненные, но живые проявления гениального Гоголя делают свое дело, как и живые мысли из статей-писем Гоголя, якобы звучащие в переложении Фомы. Использование «Выбранных мест...» как материала, возможно, и позволяет толковать о пародировании. И все-таки пародирования здесь не больше, чем в «Крокодиле», — в том пассаже тотчас усмотрели пародию на Чернышевского, пародию злоую. Помните, Крокодил заглотил человека — и человек этот, мирно устроившись в чреве, начал оттуда вещать. Чернышевский же незадолго до публикации был сослан в Сибирь. Стараниями демократов появился фельетон. Достоевский ответил на обвинение статьей в «Дневнике писателя». В частности, он писал:

«Значит, предположили, что я, сам бывший ссылный и каторжный, обрадовался ссылке другого «несчастливого»; мало того — написал на этот случай радостный пашквиль. Но где же тут доказательства; в аллегории? (Читай — в пародии? — Б. С.) Но принесите мне что хотите: «Записки сумасшедшего», оду «Бог», «Юрия Милославского», стихи Фета — что хотите — и я берусь вам вывести тотчас из первых десяти строк, вами указанных, что тут именно аллегория о француско-прусской войне или пашквиль на актера Гор-

бунова... Пусть лучше представят хоть что-нибудь из всей моей жизни для доказательства, что я похож на злого, безсердечного пашквильанта и что от меня можно ожидать таких аллегорий... (А ведь тогда уже было опубликовано «Село Степанчиково» — могли бы и указать. — Б. С.) Именно поспешность и торопливость подобных бездоказательных выводов и свидетельствует, напротив, о некоторой низменности духа самих обвинителей, о грубости и негуманности взгляда их».

Думается, не менее резкий последовал бы ответ и Тынянову, случись его публикация при жизни писателя. Ведь если левые обвиняли в пародии на Чернышевского, то не менее левый Тынянов прямо заявил: «Опискин — характер пародийный, материалом для пародии послужила личность Гоголя». Вот так — без стеснения и страха — приживется, главное — сказать. И уж конечно, после такой декларации отступать некуда: следуют цитатные нагромождения, парадоксальные выводы — не лучше уже приводимых для примера — лишь бы застолбить: Опискин — пародия на Гоголя. Невольно задаешься вопросом: да зачем же и понадобилось так-то затягивать в липовый узел? Или — программа минимум? Есть, есть в этом и от программы — дей-

ствительно, есть! И раскрывает это сам же Тынянов:

«Когда говорят о «литературной традиции» или «преемственности», обычно представляют некоторую прямую линию, соединяющую младшего представителя известной литературной ветви со старшим... Нет продолжения прямой линии... Всякая литературная преемственность есть прежде всего борьба, разрушение старого целого и новая стройка старых элементов».

И только теперь становится понятной и программа минимум: весь мир насильно мы разрушим. Установка действительно партийная, направленная на разрушение преемственности или национальных традиций. И вся теория строится так, чтобы в данном случае Достоевский пародировал Гоголя, тем самым разрушая и его — и себя. Пародия — разрушение. Целенаправленной пародией можно и личность свести на нет.

В данном случае «пародией» вбит клин между Гоголем и Достоевским. Достоевский был призван разрушить личность Гоголя — стоило лишь целенаправленно использовать его могучую силу... Однако не «разрушение», а продолжение и развитие традиций следовало бы исследовать

столкнуть, разъединить. А ведь враждебности по отношению к Гоголю у Достоевского никогда не было. Зато посеянное зло дало приплод. Не говоря уж о литературоведах тыняновского круга, даже стихотворец Вознесенский так весь и дышит ненавистью к Гоголю. Он даже в гроб к Гоголю влез, чтобы и оттуда извлечь глумливую метафору — нечто от мародерства.

Л. Лотман уже в начале известной статьи отмечает: «По мнению Ю. Н. Тынянова, в повести («Село Степанчиково...») пародируются не только отдельные формулировки и идеи «Выбранных мест из переписки с друзьями», не только стиль этой книги, но литературная позиция и манера поведения Гоголя». И далее автор вовсе не упоминает Гоголя, находит и другие аналогии и влияния на Достоевского в связи с «Селом Степанчиковым...», тем самым как бы принимая утверждение Тынянова за неоспоримую истину. Однако в конце статьи Лотман подводит итог: «Конечно, ни Рудин, ни тем более Грановский или Белинский не являются прототипами гротескного образа Фомы Опискина, но многоаспектный социально-психологический анализ типа узурпатора общественных симпатий, ложного властителя дум включал и мотив его мимикрии под высший образ «русского скитальца», идеолога, мученика идеи».

Увы, приемы не литературоведческие, скорее, иезуитские. Прямо сказать рискованно, а вот в перечислении «ни Рудин, ни Грановский или Белинский» — «Гоголь» отсутствует. И, помня «истину Тынянова», если не они, то только Гоголь, но уже с приложением «ложный властитель дум, идеолог». То есть разрушение Гоголя продолжается. А ведь он действительно — властитель дум и идеолог. Да только, увы, не для тех, кому он изначально чужд.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание. Бесспорно, Тынянову были известны письма Достоевского Страхову, в которых он дает уничтожающую характеристику творческой личности Белинского, — кстати, ничего подобного ни когда о Гоголе он не писал; знал Тынянов, поди, и о том, что последний диалог Достоевского с Белинским состоялся в эпилоге романа «Братья Карамазовы» — это уже устами детей. Мальчик Красоткин поднимал «злые» вопросы, получая на них и достойные ответы. Казалось бы, вот и пример законченной пародии. Но Тынянов, конечно же, против пародирования Белинского — партия одна; у тюретика другая задача — разрушить Гоголя. Но мы-то не жаждем разрушения, да и пародии на Белинского нет, если страстная полемика, которая длилась в последних дней, до эпилога «Братья Карамазовых», до «пушкинской» речи. Именно полемика велась и с Гоголем, и с Тургеневым, и с Толстым, до пародирования Ф. М. Достоевский никогда не опускался.

Борис СПОРОВ

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Библиотека на Невском

Новое в биографии писателя

тичтырехлетнему литератору, близкому к народническому движению.

Несколько позднее, когда возникла и развернула широкую деятельность партия «Народной воли» в Петербурге (как и в других городах), в целях полного устранения всяких подозрений со стороны полиции к библиотеке, народovolьцы сочли целесообразным сделать ее «хозяйном» человека, как им казалось, совершенно лояльного с точки зрения официальных властей. С этой целью А. И. Эртель осенью 1879 года «пригласил для участия в библиотеке литератора Федора Достоевского, пытался передать библиотеку на его имя».

Однако разрешения на передачу библиотеки Ф. М. Достоевскому власти не выдали. Это — любопытный и не известный до сих пор эпизод из жизни великого писателя. И он, кажется, может в чем-то поколебать довольно распространенную в нашей литературе версию, согласно которой Достоевский в последние годы жизни изображается как человек не только далекий от революционного движения 70-х — начала 80-х годов, но даже полностью ему враждебный.

Думается, если бы это было так, народovolьцы Петербурга вряд ли могли бы рассчитывать на его участие в работе

библиотеки на Невском, являвшейся практически штаб-квартирой революционеро-народников, открытой исключительно для их нужд или сочувствующих им лиц. Более того, есть все основания считать, что, возможно, сам Ф. М. Достоевский дал свое согласие на участие в этом деле, так как в противном случае А. И. Эртель не стал бы обращаться к властям с ходатайством о передаче библиотеки на его имя. Таким образом, великий писатель был связан с народovolьцами Петербурга, хотя не разделял их взглядов и не одобрял их действий; во-вторых, он выражал определенное сочувствие и стремился даже оказать им посильную помощь. Конечно, взаимоотношения Достоевского с народovolьцами, по вполне понятным причинам, тщательно ими скрывались. Отметим при этом, что вышеназванный эпизод из жизни Ф. М. Достоевского не нашел никакого отражения в мемуарах современников, в том числе революционеро-народников, равно как и факт знакомства его с Г. А. Лопатиным, крупным революционным деятелем...

Несколько слов о дальнейшей истории библиотеки на Невском. После неудачной попытки передать библиотеку Достоев-

скому революционеры нашли ей другого «хозяйина». В начале 1881 года им стал Н. А. Караулов, человек, близкий по своим идейным взглядам к народovolьцам. (Позднее он вступил в ряды «Народной воли».) Библиотека продолжала служить местом схода революционеров. В ее помещении часто бывали видные деятели «Народной воли»: член ее Исполнительного комитета С. С. Златопольский, руководители центрального военного кружка этой партии Н. Д. Похитонов, Ф. И. Завалишин, С. П. Дегаев, участники группы М. Ф. Грачевского и др.

Библиотека на Невском проспекте и в последующие годы использовалась народovolьцами, революционной молодежью Петербурга в своих целях.

Думается, что дальнейшее изучение вопроса прольет свет на не известные до сих пор стороны общественно-политической деятельности Ф. М. Достоевского в конце 70-х прошлого века.

Олег САЙКИН,
кандидат исторических наук